

Движения политического ислама в Магрибе

Долгов Б. В.

Исламизм и движения политического ислама сформировались в странах Магриба в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века на волне социально-экономического кризиса. Политический ислам в настоящее время продолжает существенно влиять на внутреннюю ситуацию в регионе. Наибольшую активность исламизм, в том числе его радикальное направление, проявляет в Алжире, а также в Марокко. В Тунисе, благодаря определенному подъему уровня жизни населения, исламистское движение представлено в наименьшей степени. Дальнейшее развитие политического ислама и его экстремистских течений зависит от социально-экономической динамики в странах региона, а также от решения кризисных ситуаций в мире, где присутствует «исламская составляющая».

Движение политического ислама и его экстремистское направление — радикальный исламизм или джихадизм (от арабск. *джихад* — священная война), — продолжают оставаться наиболее значительным феноменом XXI в. В статье его проявления рассматриваются на примере трех стран Северной Африки — Алжира, Туниса и Марокко. Причины подъема фундаменталистской идеологии в арабо-мусульманском мире в целом и в Магрибе в частности обусловлены как внутренними, специфическими для каждой страны, так и внешними факторами. Тем не менее можно констатировать, что общим явлением, характерным для внутренней ситуации в Алжире, Тунисе и Марокко в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в., стало обострение социально-экономических проблем, причем в Алжире и Тунисе это происходило на фоне политического кризиса.

Что касается внешних факторов, то они во многом были связаны со следующими важными событиями последней четверти XX века:

— во-первых, с исламской революцией в Иране (1978–1979 гг.), свергнувшей шахский режим, который пытался осуществить вестернизацию Ирана. Иранская исламская революция явилась

своеобразным импульсом для распространения и экспансии исламистских концепций в мусульманском мире. В то же время она имела определенно ограниченный характер в силу своей шиитской догматики, отличающейся от суннитского «исламского проекта»;

— во-вторых, с гражданской войной в Афганистане (1979–1992 гг.), привлекая тысячи мусульман со всего исламского мира, в том числе из стран Магриба, в ряды *муджахидов* (борцов за веру). Они воевали против афганского правительства, стремившегося реализовать в Афганистане социалистическую идею, и поддерживавших его советских войск. Необходимо отметить, что в тот период, который характеризовался глобальным противостоянием двух сверхдержав и, соответственно, двух военно-политических блоков, существенную роль в становлении радикального крыла исламистского движения сыграли также США и Саудовская Аравия. Эти государства, стремясь ослабить своего главного стратегического противника — СССР, оказывали всевозможную поддержку исламистским организациям, направлявшим наемников для борьбы с афганским правительством.

Долгов Борис Васильевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН; e-mail: www.vestnik@mgimo.ru

В последствии афганские «муджахиды» (арабы и выходцы из других мусульманских стран) составили ядро многих радикальных исламистских группировок как в арабских странах, в т.ч. в Магрибе, так и в «горячих точках» по всему миру;

- в-третьих, крах социалистической системы и развал Советского Союза, ставшие наиболее важными событиями конца XX в., косвенным образом также способствовали распространению исламистской идеологии. Речь идет о том, что в результате коллапса «социалистического лагеря» на рубеже 80-х — 90-х гг. XX в. происходит отказ ряда арабских стран, в том числе Алжира, от ранее провозглашавшейся ими идеологии национализма с элементами социализма (социалистической ориентации). В результате образовавшийся своеобразный идеологический вакуум стал заполняться различными исламистскими концепциями, отражавшими в том числе социальный протест неимущих слоев населения, так как многие арабские страны переживали в этот период социально-экономический кризис.

В Алжире на волне масштабной демократизации общественно-политической жизни, проходившей в условиях системного кризиса, в начале 90-х гг. сформировался «Исламский фронт спасения» (ИФС) — самое массовое в арабском мире в тот период исламистское движение. ИФС стал наиболее влиятельной политической силой в стране. В рядах ИФС, по заявлениям его лидеров, в начале 90-х гг. насчитывалось до 3 млн членов¹. На первых альтернативных парламентских выборах в 1992 г. за ИФС проголосовало около 50% избирателей. Легитимный приход к власти исламистов предотвратило вмешательство армии, традиционно занимавшей доминирующее положение в жизни алжирского общества, в политический процесс.

Это, в свою очередь, привело к радикализации исламистского движения, экстремистские силы которого развязали многолетнее вооруженное противостояние с властями. В своей активной форме оно продолжалось с 1992 по 1999 год, в течение которых погибло более 150 тысяч алжирских граждан. Алжир оказался на грани гражданской войны и стал одним из очагов радикального исламизма, борьба с которым продолжается до сих пор. Тем не менее руководство Алжира во главе с президентом Абдель Азизом Бутефликой сумело, с одной стороны, в основном подавить радикальный исламизм, и с другой — инициировать процесс восстановления гражданского согласия. В 1999 г. был принят закон, провозглашавший амнистию исламистам, добровольно прекратившим вооруженную борьбу. В 2005 г. была

одобрена на общенациональном референдуме «Хартия за мир и национальное примирение». Она также имела целью дать возможность вернуться к мирной жизни тем алжирцам, кто был вовлечен в экстремистские группировки.

Важным событием в Алжире стали выборы президента 9 апреля 2009 г. На них убедительную победу одержал А. Бутефлика. Он в третий раз был избран на президентский пост* голосами 90,24% избирателей², будучи далеко не молодым (род. 2 марта 1937 г.) и не совсем здоровым (страдал язвой желудка и в 2005 г. находился на лечении во Франции, где ему была сделана операция). Тем не менее большинство алжирцев видели в нем харизматического лидера, которому нет равноценной альтернативы. Это подтвердили результаты голосования и особенно рекордное для Алжира число участвовавших в выборах избирателей — 74,54%. В то же время часть достаточно влиятельных оппозиционных партий, а именно «Фронт социалистических сил» (ФСС) и «Объединение за культуру и демократию» (ОКД), бойкотировали президентские выборы. Представители оппозиции — руководитель ОКД Саид Саади и бывший Генеральный секретарь ФНО Абд Аль-Хамид Мехри заявляли, что «в Алжире не существует подлинного политического плюрализма, а есть лишь «фасадная многопартийность»³, что в определенной степени соответствует действительности.

Тем не менее можно констатировать, что политический курс президента Бутефлики был направлен на продвижение рыночных реформ в экономике, дальнейшую либерализацию общественно-политической жизни и одновременно жесткое подавление экстремизма. Его отражением является завершение новой редакции гражданского, уголовного и семейного кодексов. Наряду с этим планируется существенным образом повысить роль местных, в том числе выборных органов власти и их участие в общественно-политической жизни. В связи с этим вносятся изменения и дополнения в законы о местном самоуправлении, политических партиях и СМИ. В целях инициирования развития местного самоуправления на основании финансового бюджета на 2008 г. и разработанных Министерством внутренних дел поправок к статусу *балядий* и *вилай* (районных и областных органов власти) их бюджет увеличивается почти в десять раз. При создании перспективных программ дальнейшего социально-экономического развития страны алжирское руководство учитывает недавний исторический опыт «черного десятилетия» (так в Алжире называют период вооруженного противостояния исламистских группировок с властями в 1992–1999 гг.). Уделяется большое внимание как

* В соответствии с принятыми в ноябре 2008 г. поправками к конституции Алжира действующий президент получил право баллотироваться на третий мандат. Наряду с А. Бутефликой на высший государственный пост выставили свои кандидатуры еще пять претендентов, а именно: генеральный секретарь «Партии трудящихся» Луиза Ханун, занявшая второе после А. Бутефлики место (4,22%), председатель партии «Национальный алжирский фронт» Мусса Туати (2,31%), генеральный секретарь умеренной исламистской партии «Движение за национальную реформу» Джахид Юнси (1,37%), председатель партии «Ахд 54» (Клятва 54) Али Фавзи Ребаин (0,93%) и выдвигавшийся в качестве независимого кандидата Мухаммед Саид (0,92%).

социальным вопросам, так и политике по отношению к той части населения, которая считает сохранение мусульманских исторических традиций и «исламских ценностей» неперемным условием дальнейшего успешного развития алжирского общества.

Реализация правительственной программы развития на 2004–2009 гг., по словам премьер-министра Алжира Ахмед Уяхья, завершилась строительством около 1 млн. единиц жилья и созданием почти 3 млн. новых рабочих мест⁴. В то же время официальные власти провозглашали, что «алжирский народ, внесший огромный вклад в развитие и распространение ислама, и впредь будет прилагать все усилия для сохранения и дальнейшего процветания великой арабо-мусульманской цивилизации»⁵. В целом необходимо признать, что острота социально-экономического кризиса в стране достаточно ослабла в последние годы, тем не менее серьезные проблемы в этой сфере остались. Это касается, прежде всего, безработицы, которая, несмотря на ее существенное снижение по сравнению с 1999 годом (тогда она составляла около 29%), достигала 11,8% в 2007 г. Эта цифра средний показатель по всему Алжиру, в то время как в ряде регионов она была значительно более высокой, особенно среди молодежи (до 50%), что провоцирует миграцию молодых людей, в том числе нелегальную, в страны ЕС.

Социально-экономические проблемы наряду с продолжающимся расслоением общества стали основной причиной антиправительственных демонстраций, прошедших в крупнейших городах Алжира весной и летом 2008 г., в которых в основном участвовала безработная молодежь. Что касается мирового финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., его результатом стало определенное сокращение производства, в том числе в нефтяном секторе, и, соответственно, увеличение числа безработных. Тем не менее министр финансов Алжира заявил, что «влияние кризиса сказывается в основном в экономической рецессии в мире, депрессии спроса и снижении цен на сырую нефть, что влечет за собой снижение поступлений в госбюджет. В то же время благодаря созданным стабилизационным механизмам (в частности, специальному Фонду регулирования) Алжир не будет испытывать каких-либо трудностей при финансировании плана социально-экономического развития на 2009–2014 гг.»⁶. Данный план предусматривает, в частности, создание более 400 тысяч новых рабочих мест.

Умеренное крыло алжирского исламистского движения достаточно полно — тремя политическими партиями, — представлено в парламенте Алжира — Национальной народной ассамблее (ННА). Причем они не составляют единого парламентского блока. Две из этих партий — «Движение общества за мир» (ДОМ),

руководимая Бутеррой Солтани, и «Нахда», во главе которой стоит Ляхбиб Адами, — входят в президентскую коалицию и полностью поддерживают президентский курс. Более того, партия ДОМ, обладающая достаточным политическим весом (на парламентских выборах 2007 г. она получила 52 депутатских мандата), наряду с партиями власти «Национально-демократическое объединение» (НДО) и «Фронт национального освобождения» (ФНО) составляют основу президентской коалиции в ННА. Однако в 2009 г. партия ДОМ переживала внутренний кризис. В его результате часть влиятельных членов ДОМ, включая 10 депутатов парламента во главе с Абдель Маджидом Менасра, одним из членов руководства ДОМ, вышли из ее состава. Они создали свою собственную партию — «Движение за проповедь и изменение»⁷.

Третья исламистская партия, представленная в ННА, «Движение за национальную реформу» (ДНР) состоит в оппозиции официальному курсу. Она выступает против правительственной программы широкомасштабной приватизации и ратует за «исламскую социальную справедливость». ДНР, считавшаяся наиболее многочисленной и влиятельной умеренной исламистской партией, в последнее время утрачивает доверие у избирателей. На парламентских выборах 2007 г. ДНР получила всего 3 депутатских места (на парламентских выборах 2002 г. ДНР завоевала 43 мандата).

В последние годы на политическую сцену Алжира вновь пытаются выйти бывшие члены руководства ИФС. Они, в частности, добиваются отмены судебного решения о роспуске ИФС, принятого в 1992 г. Бывшие лидеры ИФС в интервью алжирской прессе объявляют о своей готовности работать совместно с властями для возрождения Алжира. Так, например, Аббаси Мадани и Али Бенхадж (бывшие президент ИФС и его заместитель) заявляют, что в результате их активного посредничества в 2005–2006 гг. многие боевики сложили оружие и сдались властям. В свою очередь Мадани Мезраг, бывший эмир «Исламской армии спасения» (ИАС)*, также проводивший посреднические переговоры с действующими боевиками, объявил, что он не пожалеет усилий, чтобы «вернуть наших обманутых алжирских братьев к мирной жизни».

В свою очередь воспользовавшиеся амнистией известные экс-лидеры радикальных исламистов обратились в 2009 г. к участникам экстремистских группировок, продолжавших террористический «джихад», с призывом сложить оружие, «вернуться к своим очагам и внести свою лепту в возрождение Алжира». Речь идет о таких видных фигурах радикального исламизма, как основатели «Салафитской группы для проповеди и борьбы» (СГПБ) Хасан Хаттаб, Абу Омар Абд аль-

* Исламская армия спасения (ИАС) — военное крыло ИФС, сформированное в 1994 г., участвовало в вооруженном противостоянии с властями. В 1997 г. между ИАС и алжирской армией было заключено перемирие, в соответствии с которым ИАС совместно с силовыми структурами Алжира проводила операции по подавлению исламистских группировок ВИГ и СГПБ. В 2000 г. Мадани Мезраг объявил о самороспуске ИАС- см. Долгов Б. В. Исламистский вызов и алжирское общество. М., 2003. С. 168.

Баер, Абу Закариа, Муссаб Абу Дауд, а также первый «национальный эмир» «Вооруженных исламских групп» (ВИГ) Абд аль-Хакк Лайяда, возглавлявший ВИГ в 1992–1993 гг. Причем последнему выступления в поддержку президентского курса стоили нескольких покушений на его жизнь (неудавшихся) со стороны действующих «муджахидов».

В Алжире продолжают террористические действия радикальные исламисты, представленные в основном выше упоминавшимися СГПБ и ВИГ. Они насчитывают, по разным оценкам, от 650 до 1 тыс. боевиков. Причем ВИГ в начале 2000-х гг. распались на несколько зачастую враждующих между собой группировок. Что касается СГПБ, то она была создана в 1998 г. Хасаном Хаттабом. В то время он был одним из командиров ВИГ, не согласным с *такфиристской** доктриной тогдашнего национального эмира ВИГ Антара Зуабри. Хасан Хаттаб, пользовавшийся поддержкой Бен Ладена и Абу Катады, иорданского исламистского идеолога, издававшего в 90-е гг. в Лондоне исламистский журнал «Аль-Ансар» (Соратники Пророка), провозгласил своей целью возврат к «подлинному салафизму**». Он вышел со своими сторонниками из состава ВИГ и создал собственную группировку — СГПБ.

Наряду с действиями внутри Алжира СГПБ с 2004 г. предпринимала попытки распространить джихад на территории других африканских государств, поддерживавших, по заявлениям исламистов, «агрессивную политику США». Такими странами были Мавритания, Республика Чад, Мали, Нигер и Буркина – Фасо, куда СГПБ направила своих проповедников. В то же время двое видных руководителей СГПБ, — Хасан Хаттаб и Абд ар-Раззак аль-Пара, — возглавили отряды боевиков, пытавшихся «экспортировать» джихад за пределы Алжира***. В 2006 г. нынешний «национальный эмир» СГПБ Абд аль-Ваххаб Друкдель объявил о присоединении СГПБ к Аль-Каиде и изменил ее название на «Организация Аль-Каида исламского государства Магриб» (ОКИГМ). В 2006–2008 гг. ОКИГМ активизировала свою террористическую деятельность и осуществила ряд взрывов в различных городах Алжира, в том чис-

ле в столице. В результате погибли десятки алжирцев, как военнослужащих, так и мирных граждан, а также иностранцев, среди которых были 11 сотрудников миссии ООН в Алжире.

Важно отметить, что достаточно значительную роль в ОКИГМ играют «алжирские иракцы», то есть молодые алжирцы (по различным оценкам, несколько сотен), которые приобрели боевой опыт в Ираке, где они действовали против оккупационных сил США и их союзников. По возвращении в Алжир часть из них вступает в ряды ОКИГМ и применяет здесь свой «иракский опыт». В этой связи можно вспомнить аналогичный опыт «алжирских афганцев». В начале 90-х гг. алжирские «муджахиды», вернувшись после завершения гражданской войны в Афганистане на родину, составили ядро радикальных исламистских группировок, развернувших затем террористические действия в Алжире.

В настоящее время полное восстановление национального согласия и борьба с проявлениями экстремизма является одной из наиболее важных задач, стоящих перед алжирским руководством. Для ее решения используется в том числе и международная помощь. В рамках подписанного между Алжиром и Российской Федерацией в 2001 г. Договора о стратегическом партнерстве наряду с экономическим и политическим сотрудничеством продолжена работа совместной алжирско-российской группы по сотрудничеству в области борьбы с терроризмом и по вопросам безопасности. В то же время в сентябре 2008 г. началась подготовка к заключению договора о стратегическом сотрудничестве между Алжиром и США. Одним из его главных пунктов будет координация усилий двух стран в борьбе с международным терроризмом, в частности с ОКИГМ.

В связи с участвовавшими террористическими актами в Алжире усилены меры безопасности и регулярно проводятся мероприятия по предотвращению актов террора. Так, например, в марте-апреле 2007 г. и в марте 2008 г. объединенные силы армии, полиции и жандармерии при поддержке боевых вертолетов проводили войсковые операции в горных районах

* Такфир (араб.) – обвинение в неверии. На основе доктрины такфиризма, исповедовавшейся лидерами ВИГ в неверии обвинялись все, в том числе мусульмане, не разделявшие концепции ВИГ.

** Салаф (араб.) – праведный предок. Салафизм – доктрина, проповедующая как идеал общественного устройства, мусульманскую общину эпохи Пророка Мухаммеда и четырех праведных халифов – Абу Бакра, Омара, Османа и Али

*** Абд ар-Раззак со своей группой сумел проникнуть на территорию Мали и в одной из наиболее бедных провинций Кидаль приступил к вербовке местного населения в ряды СГПБ, намереваясь сделать этот район своей опорной базой. Затем он попытался пройти на территорию Нигера, чтобы установить контакт с местными исламистскими боевиками. Однако его отряд был обнаружен и Абд ар-Раззак вынужден был изменить маршрут и перешел на территорию Республики Чад. Здесь Абд ар-Раззак пытался наладить связь с антиправительственной группировкой «Движение за демократию и справедливость в Чаде» (ДДСЧ) и склонить ее руководство к совместным действиям. Однако переговоры не увенчались успехом, в том числе из-за идеологических разногласий, так как ДДСЧ было создано на светской основе и не разделяло фундаменталистской идеологии СГПБ. Однако Абд ар-Раззак не оставлял намерения создать на территории Чада в горной области Тибести укрепленный район наподобие афганского Тора Бора и провозгласить себя «эмиром африканского Сахеля». С этой целью он намеревался вступить в переговоры с немногочисленной, но более радикальной по сравнению с ДДСЧ группировкой, возглавлявшейся чадскими исламистами, исповедовавшими салафизм. Однако, направляясь к месту конспиративной встречи Абд ар-Раззак аль-Пара погиб в результате несчастного случая (сорвавшись в пропасть на горной дороге) – см. Долгов Б.В. Исламистское движение в Алжире после президентских выборов 2004г./Ближний Восток и современность № 24. М., 2004. С. 128.

Большой Кабилии (около 300 км к востоку от столицы), где сосредоточены основные силы ОКИГМ. В результате были уничтожены несколько отрядов, их опорные пункты, склады с оружием и боеприпасами. По заявлению министра внутренних дел Алжира Язида Зеруни, с декабря 2008 по май 2009 г. силовыми структурами Алжира были задержаны 322 «муджахиды», сдались властям 22 «воина Аллаха» и были уничтожены 120 боевиков ОКИГМ⁸.

Можно констатировать, что эскалация террористической активности радикального исламизма в Алжире в 2006–2008 гг. не привела к дестабилизации внутривластной ситуации в стране. Основные силы экстремистских группировок в были подавлены, тем не менее, о полном искоренении этого явления и окончательной стабилизации обстановки в стране говорить еще рано*.

В Тунисе подъем исламистского движения также был связан с социально-экономическим и политическим кризисом. В середине 80-х годов XX века тунисское исламистское движение структурировалось в политическую партию «Движение исламской направленности» (ДИН). Впоследствии ДИН переименовывается в «Возрождение» (ан-Нахда), председателем которой являлся известный (в том числе за пределами Туниса) идеолог исламизма Рашид Ганнуши. В 1986–87 гг. сторонники исламистов проводили многочисленные антиправительственные манифестации. В то же время, согласно опубликованным тунисскими властями материалам, руководство ДИН создавало вооруженные группы и готовилось к вооруженному захвату власти.

Сложная социально-политическая обстановка в стране усугублялась интригами внутри семейного клана и окружения Х. Бургибы, который, в силу преклонного возраста (1903–2000), уже не мог контролировать ситуацию. В такой напряженной политической обстановке 7 ноября 1987 г. премьер-министр и глава правящей «Социалистической дустуровской партии» (СДП) Зин аль Абидин Бен Али с помощью своих сторонников отстранил Х. Бургибу от власти. Мотивируя свои действия ст. 56 конституции Туниса, Бен Али объявил о временном взятии на себя обязанностей президента и тем самым предотвратил возможные вооруженные выступления исламистов. Тем не менее Бен Али предоставил возможность представителю ДИН-Нахда войти в состав Национального комитета, который выработывал текст «Национального пакта»⁹. Принятие в 1988 г. Национального пакта, который подписали представители основных тунисских политических сил, включая исламистов, должно было означать прекращение противостояния в обществе и достижение политического консенсуса.

Однако в начале 90-х гг. тунисские власти объявили о раскрытии заговора с целью убийства президента Бен Али, в котором обвинялась партия «Нахда» и ее сторонники¹⁰. В результате сотни исламистов были арестованы и легальное исламистское движение в Тунисе практически перестало существовать. Необходимо отметить, что за последние годы Тунис достиг существенного прогресса как в экономическом развитии, так и в определенной либерализации общественно-политической жизни. Его руководству удалось вывести страну из кризисного состояния, существенно улучшить экономическую ситуацию, а также в достаточной степени поднять жизненный уровень основной массы населения. Так, в среднем за период 2000–2005 гг. ВВП в расчете на душу населения в Тунисе составил 2321 долл. (94-е место в мире). Для сравнения, на тот же период в Алжире этот показатель равен 1978 долл. (103-е место), в Марокко — 1390 долл. (135-е место), в Египте — 1356 долл. (143-е место)¹¹. В этот период в Тунисе были разработаны специальные программы (на общегосударственном и региональном уровнях) по профессиональной подготовке молодежи и созданию дополнительных рабочих мест. Мировой финансовый кризис негативно сказывается на социально-экономической ситуации в Тунисе. Здесь также наблюдается снижение производства, прежде всего ориентированного на экспорт. Примерно 75% тунисского экспорта (швейные изделия, химикаты, продукты питания и др.) связаны со странами ЕС, где в результате того же кризиса снижается потребление.

Что касается политической сферы, то в настоящее время в Тунисе действуют девять политических партий. Шесть из них во главе с наиболее массовой и влиятельной «Демократическое конституционное объединение» (ДКО), которую возглавляет президент Туниса, официально участвуют в выборах исполнительных и законодательных органов власти. Одним из первых законов, принятых после прихода Бен Али к власти, стал Закон о политических партиях. Важной особенностью данного закона является закрепленная в нем обязанность министра внутренних дел обращаться в судебную инстанцию в случае принятия решения о роспуске политической партии. В предыдущем Законе об ассоциациях (1959 г.) такая процедура была необязательной.

Значимым политическим событием в Тунисе стали проходившие в 2004 г. президентские и парламентские выборы. Им предшествовали одобренные на общенациональном референдуме в 2002 г. изменения в тунисской конституции. Согласно этим изменениям, была сформирована нижняя палата тунисского парламента — Консультативный совет

* За период с февраля по май 2009 г. в восточных районах Алжира (примерно в 100 км. от г. Аннаба) был совершен ряд террористических актов, в результате которых погибли десятки мирных граждан и военнослужащих жандармерии, в том числе старших офицеров. Ответственность за теракты взяла на себя экстремистская группировка «Аль-Фатх аль-мубин» (Уверенная победа), входящая в состав ОКИГМ.

(ранее туниССкий парламент состоял из одной палаты — Совета депутатов). Наряду с этим были упразднены ограничения на переизбрание президента на следующий мандат и увеличен предельный возраст для претендента на президентский пост (до 75 лет). Это позволило действующему президенту Бен Али (род. в 1936 г.) выставить свою кандидатуру и быть избранным на пост президента на четвертый срок подряд (2004 — 2009 гг.).

Необходимо подчеркнуть, что президент Бен Али является убежденным противником исламизма, в связи с чем умеренные исламисты в Тунисе, в отличие от Алжира, исключены из политической жизни. Они не имеют политических партий и не могут сколько-нибудь значительно влиять на общественно-политическую жизнь. Один из ближайших соратников президента Бен Али, видный общественный и государственный деятель Садок Шаабан заявлял в этой связи, что «фундаменталисты — политики, прикрывающиеся религией, а не религиозные деятели в привычном смысле этого слова»¹². В то же время Бен Али всегда акцентирует принадлежность Туниса к арабо-мусульманскому миру, регулярно посещает мечеть, все его речи начинаются с мусульманской формулы «Во имя Аллаха милостивого, милосердного», чего не было во времена его предшественника Х. Бургибы.

В Тунисе постоянно проводятся мусульманские конкурсы (на лучшего чтеца Корана и т.д.), действуют мусульманские общественно-просветительские и благотворительные организации, однако только те, которые не ставят перед собой политических целей, а видят своей задачей улучшение общественной морали путем пропаганды и распространения коранических знаний, мусульманских морально-этических норм и благотворительной деятельности. В то же время в последние годы в Тунисе, как и в других арабских странах, наблюдается определенное усиление исламского фактора. Это проявляется в самых разных формах. Так, например, в появляющихся на улицах Туниса девушках в хиджабе некоторые тунисцы видят «облачка, предвещающие грозу». Это явление, скорее всего, нельзя назвать «подъемом исламизма». Тем не менее профессор-политолог Калифа Шатер, вице-президент тунисской «Ассоциации международных исследований», назвал его в беседе с автором этих строк «спящим исламизмом».

Причем данный процесс имеет не только религиозный, но также культурологический и социально-политический характер. В известной мере данный феномен можно охарактеризовать как демонстрацию «арабской улицы» своей мусульманской идентичности. В то же время это своеобразный ответ на определенные элементы исламофобии в виде карикатуры на пророка Мухаммеда, опубликованной в некоторых европейских газетах, неудачные высказывания по поводу ислама Папы

Римского. Свою лепту в укоренение этой тенденции вносит военно-политическое давление Запада и, прежде всего, США, проявляющееся в постоянной поддержке Израиля в арабо-израильских конфликтах, вторжении в Ирак, провоцировании ливанского, афганского, иранского кризисов. Тем более, что часть молодежи арабских стран является в достаточной степени политизированной. Молодые люди живо интересуются политическими событиями, происходящими в мире, чему также способствует распространение кабельного телевидения и сети Интернета. В то же время именно молодежь в наибольшей степени страдает от нерешенности внутренних социально-экономических проблем в арабском мире и, особенно, безработицы.

Главарь террористических организаций, прикрывающиеся лозунгами ислама, используют такую ситуацию в своих целях, объявляя действия Запада «войной против ислама». Пытаясь таким образом усилить свое влияние в молодежной среде, они в некоторых случаях достигают своей цели. В январе 2007 г. спецслужбы Туниса в ходе успешной операции ликвидировали в пограничном с Алжиром районе группу боевиков, насчитывавшую 27 человек (граждан Туниса). Боевики имели на вооружении автоматы, гранатометы, большое количество взрывчатых веществ. Они планировали осуществить террористические акции в столице Туниса и ряде крупных городов. В ходе следствия выяснилось, что боевики проникли на территорию Туниса из сопредельного района Алжира. Здесь они проходили боевую подготовку в течение 45 дней на нелегальных тренировочных базах алжирской террористической группировки ОКИГМ. В то же время тунисские исламисты, как заявляют алжирские правоохранительные органы, фигурируют в числе задержанных и уничтоженных боевиков ОКИГМ на территории Алжира. Десятки тунисских «муджахидов» участвуют также в вооруженном противостоянии с оккупационными силами США и их союзников в Ираке.

Что касается политического курса президента Бен Али, то по этому поводу имеются неоднозначные суждения на Западе и в России. Наряду с такими эпитетами, как «оазис спокойствия в арабском мире» и «тунисское экономическое чудо», данными Жаком Шираком в период его президентства, французские исследователи М. Камо и В. Жейссер характеризуют политику Бен Али как «авторитарный синдром»¹³. Достаточно откровенно и даже цинично звучит высказывание французского политолога Александра Адлера, который заявляет: «Лучше поддержать любую диктатуру в арабском мире, чем реализацию здесь принципов демократии, которые приведут только к беспорядкам и насилию»¹⁴. Действительно, президент Бен Али находится у власти с 1987 г., и его правящая команда проводит свой политический курс, во многом опираясь на

репрессивный аппарат*, что, надо признать, характерно практически для всех арабских стран. Тем не менее Бен Али сохраняет принципиальную преемственность с политическим наследием первого президента Туниса Х. Бургибы и в то же время подтверждает арабо-исламскую идентификацию Туниса. Исламизм как явление мусульманской общественной мысли, в наименьшей степени, по сравнению с другими арабскими странами влияет, на политическую жизнь Туниса. Бен Али жестко преследует любые проявления экстремизма и сохраняет имидж харизматического лидера, что также немаловажно для арабо-мусульманского общества. Все эти факторы способствовали тому, что ряд политических партий во главе с ДКО, выдвинул кандидатуру действующего президента на пятый мандат на президентских выборах, назначенных на ноябрь 2009 г.

В Марокко король Мухаммед VI, вступивший на престол в 1999 году после кончины своего отца короля Хасана II, провел ряд достаточно важных политических и административных реформ. Их целью была либерализация и демократизация общественно-политической жизни страны. В феврале 2004 г. вступил в силу новый Семейный кодекс (*Мудавана*), предоставляющий больше прав женщинам. Большую свободу и возможностей получили политические партии. По инициативе короля была создана «Комиссия по расследованию нарушений прав человека», имевших место в период правления короля Хасана II. В ходе административной реформы были приняты постановления, ограничивавшие всевластие губернаторов, активизировавшие борьбу с коррупцией и усиливающие роль выборных законодательных органов в провинциях.

Корруптированность государственного аппарата является одной из главных проблем Марокко. В то же время необходимо отметить, что Марокко не является в этом смысле каким-то исключением среди арабских государств. Для примера можно привести индексы коррупции в различных странах данные по уровню коррупции в ряде арабских государств на основе отчета, приведенные в отчете за 2003 год известной международной организацией «Transparency International» («Международная прозрачность»). Марокко в этом списке имеет 3,3 балла, так же, как и Египет, в то время как Алжир — 2,6 балла, Тунис — 4,9 балла¹⁵. Наилучшим показателем являются 10 баллов, означающих отсутствие этого феномена. Причем 5 баллов представляют собой своеобразную границу — показатель выше 5 баллов свидетельствует, что страна не имеет серьезных проблем с коррупцией; более низкий показатель означает корруптированность властных структур в значительной степени. На основе приведенных показателей можно констатировать, что

уровень коррупции в Марокко такой же, как в Египте, и даже ниже, чем в Алжире. Эти данные достаточно условны и приблизительны, но все же дают возможность представить общую ситуацию. Необходимо подчеркнуть при этом, что корруптированность и неэффективность государственного аппарата, а также всевозможные нарушения и злоупотребления властей дают беспроигрышные козыри в руки исламистских идеологов. Они предлагают простое и быстрое, по их заявлениям, решение проблемы — свержение корруптированных и «неверных режимов» и построение «исламского государства» на основах «справедливых законов Корана и шариата».

В то же время в 2000-е гг. в Марокко продолжался процесс расслоения общества, в результате которого уровень жизни значительной части населения оказывался весьма низким. Острые социально-экономические проблемы — безработица, жилищный кризис, неразвитость жилищно-коммунальной структуры в провинциях и бедных кварталах оставались нерешенными. Практически по всем гуманитарным показателям, в т. ч. по количеству неграмотных, Марокко входило в число аутсайдеров в странах Магриба. Так, в соответствии с докладом экспертов МБ о положении дел в сфере образования в странах Ближнего Востока и Северной Африки за 2008 г., Марокко занимает одно из последних мест — 11-е. Худшая ситуация зафиксирована только в Джибути, Йемене и Ираке. В Марокко только 52,3% детей до 15 лет умеют читать и писать. Этот показатель в Алжире равен 69,9%, в Тунисе — 74,3%. В Марокко среднюю школу посещают 35% детей школьного возраста, в то время как в Алжире — 66%, в Тунисе — 65%¹⁶. В то же время в Марокко расходы государства на одного ученика начальной школы были более высокими, чем в Алжире и Тунисе. Необходимо подчеркнуть, что низкий уровень грамотности, наряду с низким жизненным уровнем достаточно значительных слоев населения являются в мусульманских странах одними из главных факторов возникновения радикального исламистского движения.

Мухаммед VI, пытаясь осуществить модернизацию экономики, демократизацию и обновление госаппарата, продолжил политику реформ Хасана II. В то же время это была «революция сверху». Она затрагивала все ветви государственного аппарата, включая армию и правоохранительные органы. Король Мухаммед VI провозгласил также новую концепцию функционирования государственной власти, и, в частности, власти на местах. Отныне она должна была «служить интересам граждан, а не надзирать за ними». Для реализации новой концепции нужно было создать «новую команду». С этой целью король

* Как известно, сам президент Бен Али занимал ранее пост министра внутренних дел и являлся руководителем тунисских спецслужб.

произвел масштабную замену высших государственных чиновников из «старой гвардии» Хасана II. Прежде всего, был отправлен в отставку всесильный при Хасане II министр внутренних дел Дрис Басри. Его ведомство некоторые западные политологи называли «марокканским ГУЛАГом».

С 2000 г. Мухаммед VI сменил 44 из 60 губернаторов провинций. Причем вновь назначаемые руководящие кадры должны были соответствовать так называемой «схеме Мидауи». Речь идет о системе отбора, сформулированной ближайшим помощником короля Ахмедом Мидауи. Эта система включала в себя два основных критерия — высокие моральные качества (честность, неподкупность) и профессионализм, подтвержденный предыдущей безукоризненной службой. Среди таких высших функционеров «поколения Мухаммеда VI» можно отметить министра внутренних дел Шакиба Бенмусса (назначен на этот пост в 2006г.) и Амину Белькадра, министра энергетики, шахт, водных ресурсов и окружающей среды. Первый получил высшее техническое и юридическое образование во Франции и США. Вторая закончила Высшую национальную техническую школу в г. Нанси во Франции¹⁷. Амина Белькадра, которую в Марокко называют «мадам Энергетика», заняла этот пост в 2007 г.

В 2000-е гг. умеренные исламисты в Марокко были представлены двумя наиболее значительными организациями — «Партией справедливости и развития» (ПСР) во главе с ее генеральным секретарем Саадом Дин Османи и движением «Справедливость и благодеяние» (аль-Адль ва-ль-ихсан), которым руководит шейх Ясин. На последних парламентских выборах в сентябре 2007 г. ПСР завоевала 46 депутатских мандатов (из 325 мест в нижней Палате представителей марокканского парламента). При этом руководство ПСР заявляло, что успех партии и число завоеванных депутатских мест могло бы быть еще большим, если бы не использование властями «административного ресурса». Наряду с ПСР и движением «Справедливость и благодеяние, на политической сцене Марокко функционируют также другие общественно-религиозные организации, среди которых выделяются «Ассоциация исламской молодежи» (АИМ), «Группа Мухаммеда», «Священное братство Зейтуни».

В Марокко продолжают действовать радикальные исламистские группировки. Одной из наиболее известных и многочисленных является «Салафитский джихад». Его боевики осуществили громкие террористические акты 16 мая 2003 года в г. Касабланка, в результате которого погибли несколько десятков человек. Полицией было арестовано около 4 тыс. исламистов,

подозреваемых в причастности к указанным терактам. Из них почти 3,5 тыс. впоследствии были освобождены, тогда как 390 — приговорены судом к различным срокам заключения, 53 — к пожизненному заключению и 16 — к смертной казни. В основном боевики «Салафитского джихада» оперировали на севере страны, в районе городов Феса, Касабланки и Танжера. Их число приблизительно оценивается в 1 тыс. человек, разбитых на автономно существующие ячейки по 10–12 человек. В начале 2000-х гг. в Марокко действовали также другие, менее значительные, экстремистские группировки — «Правильный путь» (ас-сырат аль-мустакам), «Обвинение в неверности и хиджра» (ат-такфир ва ль-хиджра)

Наряду с террористическими группами на территории Марокко известный марокканский идеолог исламизма Мухаммед Гербузи, палестинский исламист Абу Катада (проживавшие в эмиграции в Лондоне) и близкий к Бен Ладену иорданский исламист Абу Мусаб аз-Заркави создали в начале 90-х гг. организацию «Воюющая исламская марокканская группа» (ВИГ-М). В нее рекрутировались как марокканские граждане, так и эмигранты-марокканцы, в основном проживавшие в странах Западной Европы. Именно ВИГ-М стала одним из главных организаторов отправки в Ирак для борьбы с оккупационными силами США марокканских «муджахидов». Наряду с боевиками из Алжира они являются наиболее многочисленным контингентом в вооруженных группировках Аль-Каиды в Ираке (по данным египетской прессы, более 200 боевиков из Марокко и Алжира участвовали в вооруженных акциях в 2007 г.).

Попытки продолжить террористический «джихад» в Марокко исламистские экстремисты предприняли в 2006–2008 гг. В июле-августе 2006 г. марокканские спецслужбы раскрыли и обезвредили радикальную исламистскую группировку «Воины Махди» (Ансар аль-Махди), действовавшую в пригородах городов Рабат и Марракеш. В ее планы входило физическое уничтожение политических деятелей лево-демократических взглядов, иностранцев-христиан и «плохих мусульман», а также террористические акты в ресторанах и гостиницах, где проживали иностранные туристы и на авиабазе в городе Сале*.

В феврале 2008 г. была раскрыта и ликвидирована террористическая исламистская организация, оперировавшая в районе городов Касабланка, Рабат и Надор. Она располагала подпольным арсеналом оружия и крупными денежными суммами (более 2,5 млн евро). В связях с террористами были замешаны руководители легально действовавших с 2005 г. исламистской политической партии «Аль-Бадиль аль-хадарий» (Цивилизационная альтернатива) и ассоциации «Аль-Харака

* В ходе следствия выяснилось несколько новых моментов, ранее не присущих марокканским экстремистским группировкам. Первое — участие в группировке военнослужащих (рядового и сержантского состава) и даже одного офицера полиции, и второе — участие в ячейках группы женщин, большинство из которых были вдовами погибших исламистских боевиков.

мин аджли ль-умма» (Движение за Умму). Марокканская полиция арестовала около 40 членов экстремистской группировки, которых обвиняют в организации заговора и планировании террористических актов. Большинство арестованных являются жителями бидонвелей и беднейших кварталов.

В то же время необходимо отметить, что руководство Марокко предпринимает меры по ликвидации глубинных причин возникновения экстремизма, то есть решить особо острые социально-экономические проблемы и сократить число неимущих. В частности, предполагается создание социальной инфраструктуры, открытие учебных заведений, создание новых рабочих мест и постепенная ликвидация бидонвелей. С этой целью разработана программа по борьбе с бедностью «Национальная инициатива гуманитарного развития», создан специальный координирующий государственный орган «Умран» (Урбанизация. — *араб. яз.*), способный строить в год до 70 тыс. «социальных жилищ». Разработан проект ликвидации Сиди Мумена, одного из самых крупных бидонвелей в окрестностях Касабланки. Этот район, в котором проживают около 300 тыс. беднейших жителей, известен как рассадник исламистского экстремизма. На его месте будут созданы объекты социальной инфраструктуры, включая стадион на 70 тыс. мест¹⁸.

Стратегические планы марокканских руководителей направлены на всеобъемлющую модернизацию экономики и страны в целом, создание «свободных экономических зон». В одной из таких зон, расположенной в районе городов Риф и Танжер, было открыто 254 предприятия и создано 26 тысяч рабочих мест. В то же время социально-экономическая ситуация в стране остается достаточно сложной. Негативным образом на нее влияет мировой финансово-экономический кризис, который затронул как Марокко, так и другие страны Магриба.

В заключение можно констатировать, что радикальный исламизм продолжает, хотя и в разной степени, действовать в арабском Магрибе. Причем степень его активности обратно пропорциональна уровню решения социально-экономических проблем в данных странах. Подтверждением этому служит тунисский опыт. Известно, что Тунис является наиболее благополучной страной в Магрибе в плане социально-экономических показателей. Соответственно, в Тунисе отмечается наименьшая активность радикальных исламистов по сравнению с Алжиром и Марокко.

Тем не менее очевидно, что нельзя видеть в социально-экономическом факторе единственную причину исламистского экстремизма. Здесь существует комплекс причин, как внутренних, так

и внешних. Внутренние во многом специфичны для каждой страны. Они связаны с ее историей, национальными и культурными традициями, уровнем грамотности, экономического и политического развития, особенностями национального характера. Страны Магриба имеют много общего в своем историческом развитии и, наряду с этим, у каждой есть свои особенности. Внешний фактор обусловлен общей тенденцией политического и экономического развития в мире. Такой тенденцией, от которой в очень большой степени зависит внутренняя ситуация в арабо-мусульманском мире, является усиление роли в мировой политике и экономике наднациональных структур — транснациональных корпораций (ТНК) и, во многом зависимых от них, международных финансово-экономических институтов (МТО, МВФ, МБ-МБРР и др.).

Ярким примером такого положения стал мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 г. и обостривший социально-экономические проблемы, в том числе в арабском мире. Как известно, мировые экономические кризисы имеют циклический характер, что не отрицают ведущие экономисты как в России, так и за рубежом. Следствием такой ситуации может быть продолжение, а возможно, и усиление влияния среди неимущей (и не только) части мусульман исламистских идеологов, которые предлагают свое «исламское решение» социально-экономических проблем и выставляют себя в роли защитников «исламских ценностей». В то же время продолжение кризисных политических ситуаций в мире, в которых так или иначе присутствует «исламская составляющая» воспринимается частью мусульман, как «война против ислама».

На наш взгляд, данная тенденция мирового развития в ближайшей перспективе не претерпит существенных изменений. Несмотря на декларируемое намерение наиболее экономически развитых держав (группы G8 и G20) реформировать международную финансово-экономическую систему, его реализация — процесс достаточно сложный и проблематичный. Наряду с этим США, являющиеся самым крупным донором для развивающихся стран, в том числе Магриба, в значительной степени пострадали от мирового финансового кризиса. Поэтому руководство США в ближайшей перспективе будет в большей степени занято решением внутренних социально-экономических проблем и, соответственно, сократит помощь развивающимся странам. В то же время стратегический вектор внешней политики США вряд ли значительно изменит свое направление. Тем не менее, заявления и решения нового президента США Б. Обамы внушают определенный оптимизм и надежды на уменьшение конфликтных ситуаций в мире.

■ Политология

Summary: *Islamism or the Movements of the Political Islam were formed in the countries of the Maghreb in the late of 80-es — early of 90-es of the XX century at the wave of the Social and Economical crisis. The Political Islam continue to influence essentially on the internal situation in the region. The Islamism and its radical direction manifest the most activity in Algeria and also in Morocco. In Tunis the Islamist Movement is manifesting less thanks to certain elevating of life's level of the population. The Further Development of the Political Islam and its extremist currents depend of the Social and Economical dynamics in the region's countries and of the solution of the crisis situations in the world where the Islamic composition is present.*

Ключевые слова	Keywords
политический ислам, социально-экономический кризис, исламские ценности	Political Islam, Social and Economical crisis, Islamic values

Примечания

1. Долгов Б. В. Исламистский вызов и алжирское общество. М., 2003, с.49.
 2. <http://www.elmoudjahid-dz.com> 10.04.2009
 3. <http://www.ffs1963.unblog.fr/2009/02/15>
 4. <http://www.liberte-algerie.com> 20.05.2009
 5. Аль-Барнамадж ат-такмилиий ли-д-даам ан-нумув. Фатрат 2005–2009 (Дополнительная программа по поддержке развития. Период 2005–2009). Алжир, 2005, с. 10.
 6. <http://www.liberte-algerie.com> 29.01.2009
 7. <http://www.jeuneafrique.com> 29.04.2009
 8. <http://www.jeuneafrique.com> 17.05.2009
 9. Mohamed Elhachmi Hamdi. The Politisation of Islam. A Case Study of Tunisia. USA Colorado Westview Press. 1998, p. 63.
 10. Видясова М.Ф., Орлов В.В. Политический ислам в странах Северной Африки. М., 2008, с.92.
 11. Там же, с.96.
 12. Садок Шаабан. Тунис: путь к политическому плюрализму. пер. с арабского. М., 1996, с.77.
 13. L'Express, 23.10.2003, p.24
 14. Burgat F. L'Islamisme a l'heure d'Al-Qaida. P., 2005, p.5.
 15. Jeune Afrique/L'Intelligent, 2004, no. 2284, p.56.
 16. <http://www.itar-tass.com> 29.08.2008.
 17. Jeune Afrique, P., 2007, no 2449, p.48.
 18. Jeune Afrique, P., 2008, no 2453, p.56.
-